ИВАН ТАРАН

ОДИННАДЦАТАЯ ФИШКА

РОМАН

Иван Таран

Одиннадцатая фишка

https://litres.ru/74924212
SelfPub; 2026

Аннотация

Серые будни детектива - игрока из Швеции.

Каждый раз на месте преступления, преступник оставляет фишку из казино...

Содержание

Оглавление 5
Слово автора 6
Глава 1. Пустой стол 8
Глава 2. Группа 33
Глава 3. Контейнер 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Иван Таран
Одиннадцатая фишка

Оглавление

Глава 1. Пустой стол
Глава 2. Группа
Глава 3. Контейнер
Глава 4. Бухгалтерия ставок
Глава 5. Статья
Глава 6. Остров
Глава 7. Стена
Глава 8. Мятный чай
Глава 9. Среда
Глава 10. Одиннадцатый платит
Глава 11. Один день за раз

Слово автора

Эту книгу я писал о том, как человек проигрывает и как он потом встаёт. Деньги в ней только фишки, которые лежат на сукне. Настоящая ставка всегда другая: время, доверие, имя, собственная жизнь.

Детективный сюжет кажется мне самым честным способом говорить о прошлом. В нём ничто не пропадает бесследно. Любое решение, принятое много лет назад, рано или поздно приходит за тобой, как терпеливый кредитор. Хенрик Эстлунд думает, что давно расплатился по счетам: он семь лет не прикасается к картам. Но прошлое не спрашивает, закончил ли ты с ним, и однажды стучится в дверь белым конвертом.

Я выбрал Швецию не случайно. Скандинавский нуар умеет рассказывать о страшном спокойным голосом. Убийства происходят в аккуратных городах, где по утрам ходят трамваи, а в окнах горит тёплый свет. Названия улиц, портов и островов настоящие, но события и герои выдуманы от первой до последней страницы.

Главной загадкой для меня была не личность убийцы. Меня занимало другое: что происходит с человеком, которого спасла чужая доброта, когда он узнаёт, какой ценой она оплачена. Можно ли принять руку, которая была протянута из лучших побуждений и при этом держала нож? Простого от-

вета я не нашёл и не стал делать вид, что он существует.

Название пришло ко мне первым. Одиннадцатый игрок, который всегда платит. В этой формуле есть беспощадная арифметика: в любой игре кто-то оказывается крайним.

Девиз, который проходит через всю книгу, я не придумывал. Его знают те, кто сидел в кругу на складных стульях с бумажным стаканчиком остывшего кофе. «Один день за раз» кажется простой фразой только тому, кто не считал дни. За ней стоит самая трудная работа на свете, и делают её обычные, усталые, очень живые люди.

Спасибо, что открыли эту книгу. Постарайтесь не потерять свою одиннадцатую фишку.

P.S : Персонажи вымышлены и любые совпадения являются совпадением.

Иван Таран

Глава 1. Пустой стол

Стокгольм, Сёдермальм

I

Уборщица пришла в половине шестого утра, как всегда по вторникам, и первое, что она заметила, — дверь была не заперта.

Не взломана. Просто прикрыта. Тяжёлая железная дверь с облупившейся краской, за которой когда-то находился вход в букмекерский клуб «Крона». Клуб закрыли восемь лет назад после очередной проверки налоговой, и с тех пор в доме на Хорнсгатан, 14 не было ничего, кроме плесени, старых стульев и запаха табака, въевшегося в стены так глубоко, что его не брала никакая химия.

Ноябрь в Стокгольме начинается не с холодов, а с темноты. Бритт-Мари шла от остановки по Хорнсгатан в тот час, когда город ещё не решил, ночь это или утро. Фонари горели вполсилы, витрины были закрыты ставнями, на мокром асфальте лежали жёлтые листья, раздавленные колёсами, и пахло дождём, выхлопом и пекарней, которая открывалась раньше всех в квартале. Она шла, придерживая воротник у горла, и думала о том, что к зиме надо бы наконец купить нормальные ботинки.

Бритт-Мари было шестьдесят три года. Этот дом она убирала четвёртый год и знала в нём каждую половицу. Хозя-

ин, которого она ни разу не видела, платил наличными раз в месяц, и конверт всегда лежал на подоконнике в подъезде. Вопросов она не задавала. Ещё в молодости она усвоила: за любопытство платят дороже, чем за работу.

Она толкнула дверь плечом. Петля скрипнула. Бритт-Мари задержалась на пороге, и ей показалось странным, что она вообще задержалась: четыре года дверь открывалась ключом, который она носила на шнурке под свитером, и ни разу не открывалась сама. Свет она включать не стала: фонарь на лестнице давал достаточно, чтобы разглядеть ступени. Мимо пустых вешалок, мимо стойки администратора, за которой никогда никого не было, она прошла в главный зал.

Здесь стояли тяжёлые дубовые столы с зелёным сукном, выцветшим до серо-жёлтого. Она протирала их каждую неделю, хотя за ними давно никто не садился. Иногда, водя тряпкой по сукну, Бритт-Мари представляла себе, как всё это выглядело при жизни дома: дым под потолком, звон стаканов, негромкие мужские голоса. Она не жалела об ушедшем. Она просто привыкла к этой пустоте, как привыкают к больному соседу за стеной.

В это утро за одним из столов сидел человек.

Она остановилась. В первую секунду просто остановилась, потому что не ожидала. Потом нашарила выключатель. Лампы под потолком загудели, мигнули и залили зал мертвенным белым светом.

Мужчина сидел спиной к ней, лицом к стене. Голова бы-

ла опущена, подбородок почти касался груди. Правая рука лежала на столе ладонью вверх, пальцы чуть согнуты, как у человека, который ждёт, что ему сейчас сдадут карту. Перед ним на сукне стояли одиннадцать покерных фишек. Десять белых и одна красная, крайняя справа. Кровь вокруг неё уже подсохла и стала почти чёрной.

Бритт-Мари не закричала. Она стояла и смотрела, и вдруг поняла, что именно её беспокоит. Пол. Когда она приходит, пол всегда покрыт пылью. Сейчас от входа до стола тянулась полоса, чистая, как после мытья. Кто-то прошёл здесь с тряпкой. И два стула у соседнего стола стояли аккуратно, один напротив другого, будто за ними только что беседовали.

Она достала телефон и набрала 112. Пальцы слушались плохо, и с первого раза она промахнулась мимо двойки.

— Хорнсгатан, четырнадцать. Здесь мёртвый мужчина. Я ничего не трогала.

Диспетчер спросил, всё ли с ней в порядке. Бритт-Мари ответила, что да, и вышла на лестницу. До приезда полиции оставалось двадцать три минуты. Она просидела их на ступеньке, глядя, как над Сёдермальм поднимается серый рассвет и первые автобусы с шипением тормозят у Мариаторгет. Где-то хлопнула дверь, кто-то выгуливал собаку, и никому из прохожих не было дела до женщины в сером пальто, сидящей на пороге с телефоном в руке. За всё это время она так и не вспомнила, когда в последний раз видела этого человека живым. А она его видела. Теперь она в этом не сомневалась.

●

*

II

Конверт лежал в почтовом ящике, когда Хенрик Эстлунд в четверть девятого спустился за газетой.

Утро у него начиналось всегда одинаково. Он вставал в шесть, без будильника, потому что тело за семь лет само выучило режим человека, которому нельзя оставаться наедине с долгими пустыми часами. Варил кофе в старой алюминиевой турке, выпивал его стоя у окна, смотрел, как в доме напротив зажигаются окна, и читал вчерашние спортивные страницы, не заглядывая в таблицы ставок. Этому ритуалу его научила Карин: если не можешь не думать, думай о мелочах. Он спускался за газетой, потому что газета была поводом выйти.

Обычный белый конверт, без обратного адреса, со стокгольмским штемпелем. Внутри были три вещи. Покерная фишка, белая, с чёрной каймой и цифрой «11» посередине. Бумажная полоска с восемью цифрами. И записка, набранная на машинке, не с принтера, а именно выбитая на старой машинке, с продавленными буквами: «Одиннадцатый всегда платит. Хорнсгатан, 14. До полуночи».

Хенрик простоял в подъезде несколько минут, держа

фишку двумя пальцами. Где-то наверху хлопнула дверь, прошаркали чьи-то тапки, и он спохватился, что стоит как вкопанный, с чужим письмом в руке. Холодок, поднявшийся к затылку, он узнал сразу. Не страх. Узнавание.

Восемь цифр на полоске он тоже узнал. Это был номер его игрового счёта. Того, что он закрыл семь лет назад, после увольнения. Номер знали трое: он сам, сотрудник букмекерской конторы, давно сгинувший где-то в Таиланде, и следователь внутренней проверки.

Он поднялся в квартиру на Линнегатан, закрыл дверь на оба замка и выложил всё на кухонный стол. Квартира была маленькая, двухкомнатная, с книжными полками до потолка и одним креслом, в котором он читал. Ничего лишнего. Ничего, что можно было бы заложить. Эту привычку он тоже приобрёл не сразу и не по доброй воле. Потом достал из шкафа старую картонную коробку с блокнотами. В самом нижнем, потрёпанном, нашлась запись его собственной рукой: «Фрид, Мартин. 1976 г. р. Мелкий. Знает всех. Не доверять».

Мартин Фрид. Восемь лет назад, в Гётеборге, Хенрик вёл дело «Крона», подпольного игорного синдиката, который работал через букмекерские конторы по всей стране. Фрид был главным свидетелем: мелкий игрок, мелкий жулик, который знал в лицо половину синдиката. Он дал показания, а через две недели забрал их назад. «Я ошибся. Ничего не было». Дело рассыпалось. Хенрик тогда решил, что Мартин испу-

гался. Сегодня, глядя на фишку с цифрой «11», он подумал другое: заплатили.

Он вспомнил, как Мартин сидел напротив него в комнате для допросов, мял в пальцах пустой бумажный стаканчик и всё время оглядывался на зеркало, за которым никого не было. Мартин вообще всю жизнь оглядывался. Такие люди выживают дольше храбрых.

Он пытался вспомнить, когда Мартин звонил в последний раз. В прошлую среду. Телефон тогда высветил незнакомый номер, а Хенрик в это время сидел на собрании группы и сбросил вызов. Голосовое сообщение так и осталось непрослушанным: он убрал телефон в карман и забыл, потому что в тот вечер говорил Оскар, и слушать надо было Оскара.

Он включил телефон и нашёл его.

Запись длилась двадцать секунд. Мартин говорил быстро, сглатывая слова, на заднем плане шумела улица.

— Хенрик, это Мартин. Ты, наверное, не хочешь со мной говорить, я понимаю. Слушай. Я хочу рассказать про одиннадцатого. Не по телефону. Я в Стокгольме, у меня есть, где пересидеть. Если я не… — Шум, обрыв. Потом: — Ты поймёшь, когда увидишь. Просто приезжай.

Хенрик прослушал запись трижды. Потом убрал телефон в карман и сказал вслух, в пустую кухню:

— Я не приехал.

Он понимал, что едет сейчас по той же причине, по которой не поехал неделю назад. Не из долга. Из слабости. Ему

хотелось увидеть стол. Хотелось почувствовать то, что человек его склада чувствует раньше, чем успевает подумать. Семь лет он ходил на собрания, семь лет не поставил ни кроны, и вот эта белая фишка с цифрой на кухонном столе жгла ему ладонь, как раскалённая монета.

За окном по стеклу ползли капли. Он стоял, смотрел на них и ждал, что сейчас что-нибудь решится само, как решалось когда-то у карточного стола, когда рука уже знала, а голова ещё спорила. Не решилось. Решение у него осталось то же, что было с самого начала.

Он надел куртку и вышел.

●

*

III

Днём у дома на Хорнсгатан толпились зеваки, стояли два полицейских фургона и машина криминалистов. Хенрик прошёл мимо, не замедляя шага. Он знал: если в такой день стоять у ленты с лицом человека, которому здесь что-то нужно, к тебе подойдут через минуту.

Остаток дня он провёл в городе, не находя себе места. Сидел в кафе на Мариаторгет и не притронулся к булочке. Прошёл пешком до Слюссена и обратно. Купил в аптеке бессмысленную упаковку пластырей, чтобы чем-то занять руки.

Он ждал темноты, как ждут врача: заранее зная, что ничего хорошего не скажут, но не имея сил отложить приём.

Вернулся он в девять вечера, когда улица опустела. Дождь шёл мелкий и косой. Лента на парадной двери была вывешена и опечатана. Хенрик обошёл дом с торца и нашёл служебный вход, тот самый, через который, как он помнил из старого протокола, при облавах уходили игроки. Замок оказался английский, с двумя ригелями. Набор отмычек лежал у него в кармане уже восемь лет, с тех пор как его уволили; привычка, от которой он не смог избавиться. Сорок секунд.

Внутри пахло плесенью, старым табаком и чем-то сладковатым, тошнотворным. Он включил фонарь на телефоне и пошёл по коридору. Половицы поскрипывали под ногами, и на каждый шаг дом отзывался глухим эхом, будто в стенах кто-то пересчитывал его шаги. Хенрик шёл вдоль стены, как ходил когда-то при обысках: плечом к штукатурке, чтобы не оставлять лишнего на середине пола.

Тело давно увезли. Остался стол. Фишки лежали на сукне так, как их нашли: полиция сфотографировала их и оставила на месте до повторного осмотра, назначенного, видимо, на утро. Хенрик знал: в таком деле повторный осмотр никогда не обходится без изъятия, и у него есть в запасе одна-единственная ночь.

Он подошёл вплотную. Меловая линия на сукне, проведённая точно по центру стола. Десять белых фишек. Одна красная. Красную он взял на ладонь, поднёс к лучу света и

сразу понял: это не кровь. Кровь на сукне давно потемнела. Фишка была выкрашена красным модельным лаком, из тех, которыми красят миниатюры. Края лак не прикрыл, и из-под него проглядывал белый ободок.

Он перевернул фишку. Ребро было гладким, без насечки. У казино ребро всегда насечено, чтобы фишки удобно было брать в стопку, чтобы их нельзя было подделать на коленке. Эта фишка была слишком чистой. Слишком простой. Не игорной. Мысль мелькнула и ушла: Хенрик пока не мог её ухватить.

Он положил фишку на место и присел на корточки. Под столом, между ножкой и стеной, поблёскивало что-то маленькое. Ещё одна белая фишка с цифрой «11». Такая же, как та, что лежала у него в кармане.

Две одинаковые. Одну прислали ему домой. Другую оставили здесь, под столом, куда никто не заглянул бы, кроме человека, который знает, что именно искать.

Он выпрямился и посветил на стену, прямо напротив того места, где сидел Мартин. Кто-то нарисовал мелом круг диаметром сантиметров тридцать. Внутри круга стояла цифра «11». Лёгкая мелкая пыль осыпалась с него на плинтус.

Круг был нарисован ровно, без дрожи. Человек, который чертил его, не торопился и не волновался. Хенрик задержал луч на этой цифре дольше, чем нужно. Ему вдруг стало ясно, что в зале нет ни одного случайного предмета: ни стула, ни бутылки, ни этого пыльного отпечатка. Всё здесь было по-

ставлено, как ставят декорацию, и он стоял посреди чужого спектакля в чужом костюме.

Хенрик сфотографировал стену, стол, пол, фишки. Потом заметил на краю стола пресс-папье, тяжёлую латунную штуку в форме фишки. Криминалисты забрали бы его первым делом, но почему-то оставили. Или не успели. Он наклонился. На латуни темнело пятно. Кровь, и в ней что-то серое, мелкое, как крупа.

Меловая пыль.

Хенрик закрыл глаза и сосчитал до десяти. Что-то в комнате не сходилось, и он вдруг понял, что именно. На столе стояла одна бутылка виски и один стакан, с которого сняли отпечатки; от второго остался только влажный круг на сукне. Мартин пил не один. Тот, кто пил с ним, унёс свой стакан. Тот, кто унёс стакан, вымыл пол.

Он стоял и слушал, как в доме что-то капает: где-то под потолком, в трубах, равномерно, как метроном. Капля, пауза, капля. Тишина здесь была плотной, почти осязаемой. Тишина человека, который задержал дыхание.

— Ты кто такой?

Он обернулся. В коридоре стоял полицейский в форме, молодой, с фонарём. За его спиной, чуть дальше, виднелась вторая фигура, пониже и постарше, с сержантскими нашивками. Луч фонаря ударил Хенрику в лицо, и он поднял руку, заслоняясь.

— Я искал Мартина, — сказал Хенрик. — Он мне должен.

Он знал, что врать полиции глупо. Говорить правду было ещё глупее.

— Это опечатанное место, — сказал сержант, выходя вперёд. — Вы проникли на место преступления.

— Я не знал, что он мёртв.

Сержант посмотрел на него долгим взглядом, потом на стол, на стену, на пятно на пресс-папье.

— Вы что-нибудь трогали?

— Нет.

Это была ложь, вторая за пять минут. Две фишки лежали у него в кармане. Хенрик понимал: сознайся он сейчас, и его выведут отсюда в наручниках, пробьют по базе и найдут всё, что можно найти: увольнение, вещдоки, долги. Всё, что он выстроил за три года в Стокгольме, рассыплется.

— Фамилия?

— Эстлунд.

Сержант замер, а потом медленно убрал рацию.

— Эстлунд. Гётеборг, отдел по организованной преступности. — Он тяжело вздохнул. — Я читал вашу справку. Вы здесь по службе?

— Нет.

— Тогда вам здесь вообще нечего делать. — Сержант достал блокнот. — Сейчас поедете с нами, дадите предварительные показания. А завтра к девяти придёте снова. И держите телефон включённым.

Хенрик кивнул. Сержант шагнул к нему вплотную, так что

стали видны красные от недосыпа глаза, и сказал совсем тихо:

— Я не знаю, зачем вы сюда пришли. Но у человека, убитого здесь, на столе лежало одиннадцать фишек и вот это.

Он достал из кармана пластиковый пакет. В пакете лежала записка, выбитая на машинке. Тот же шрифт. Те же продавленные буквы. «Расчёт по старому долгу. Одиннадцатый платит».

— Нашли у него в кармане куртки, — сказал сержант. — Подпись под запиской одна: ваша фамилия. Вы можете мне объяснить, почему на записке убитого стоит ваша фамилия?

Хенрик почувствовал, как под рёбрами холодеет.

— Нет, — сказал он. — Не могу.

●

*

IV

Его отпустили через три часа, после проверки документов, снятия отпечатков и допроса, в ходе которого он не сказал ни слова лишнего. Сержант не арестовал его. То ли пожалел, то ли надеялся, что Хенрик сам выведет их на след.

В комнате ожидания, пока оформляли бумаги, он сидел на жёстком стуле под лампой и разглядывал свои ладони. На правой, у основания большого пальца, остался след от крас-

ного лака: крохотное розовое пятно. Он потёр его, и пятно не сошло. Ему показалось, что он носит на себе улику, видимую всякому, кто сумеет посмотреть, и он сжал руку в кулак и держал так до конца допроса.

Он вышел на Кунгсхольмен в первом часу ночи. Дождь перестал. Город блестел, как мокрый асфальт после смены, а где-то за мостом Вестербрун шумела вода. Над фасадами висел сырой туман, и фонари на набережной казались пятнами на промокашке.

Домой он вернулся пешком. Шёл долго, через Старый город и по набережной, и всю дорогу чувствовал на спине чей-то взгляд, хотя оборачивался трижды и не видел ничего, кроме редких такси и пьяной компании у входа в ночной клуб. Он выложил обе фишки на кухонный стол и долго смотрел на них. Потом снова достал коробку с блокнотами и начал листать.

Дело «Крона». Восемь лет назад. Синдикат подпольных игр, ставки, долги, коллекторы, несколько убийств, которые так и не раскрыли. Организатор, которого никто не видел. В материалах дела его называли «Банкомётом», и все свидетели сходились в одном: Банкомёт не мужчина. Больше не сходились ни в чём.

Он нашёл страницу с записью о Мартине Фриде. Рядом, на полях, другими чернилами, мелким почерком: «Карин?» И вопросительный знак. Хенрик нахмурился. Карин. Куратор на группе. Зачем он записал её имя?

Блокнот он вёл и в последний год службы, и потом, в первый год трезвости, когда возвращался к старому делу по ночам, как возвращаются к ране. Какими чернилами и когда была сделана пометка, он не помнил. Он вспомнил другое: Мартин на допросе бросил что-то вроде «спросите у тех, кто считает фишки». Хенрик решил, что речь о крупье, и пометил: надо проверить всех крупье. Имя Карин он, должно быть, приписал позже, из каприза мнительной головы, когда уже сидел на её группе и во всех людях искал то , что боялся найти. Он даже не помнил, почему поставил знак вопроса.

Телефон зазвонил в начале второго. Номер был скрыт.

— Я сдаю, — сказал женский голос. — Ты уже сделал ставку.

Голос был спокойный, ровный, почти нежный. Говорила она медленно, как человек, который привык, что его слушают, не перебивая.

— Кто это? — спросил Хенрик.

— Ты знаешь. Ты всегда знал.

— Назовите имя.

Короткий смешок.

— Ты умный, Хенрик. Но ты всё ещё играешь. А я нет.

Связь оборвалась. Он сидел, глядя на телефон, и вдруг заметил, что руки у него дрожат. Не от страха. От чего-то другого, гораздо хуже: от азарта. Он давно не чувствовал этого. Хуже, чем разозлиться, хуже, чем испугаться, было ощутить, что хочется ответить.

Когда-то, в самые тёмные годы, он сидел ночами у экрана с открытой вкладкой и ждал, пока кто-то на другом конце линии поставит против него. Это чувство, сладкое и липкое, он помнил не головой, а нёбом, как помнят вкус. И сейчас оно вернулось, безошибочно, как возвращается голос из детства.

Он встал, подошёл к раковине и умылся ледяной водой. Долго стоял, упираясь руками в холодный край, и смотрел, как вода уходит в сток.

Первый вопрос, который ему нужно было себе задать, он задавать не хотел. Поэтому задал второй.

Почему убийца подписал записку его фамилией?

Ответ напрашивался. Убийца хотел, чтобы полиция пришла к Хенрику. Он хотел, чтобы Хенрик оказался в списке подозреваемых, лишился свободы передвижения и репутации. Для человека, которого семь лет уважали на собраниях, это была бы смерть.

Но был и второй ответ. Хенрику он не понравился ещё больше.

Убийца хотел, чтобы Хенрик сам вышел на след. Он оставил ему всё: фишку, номер счёта, записку, адрес. Не так оставляют улики перед судьёй. Так оставляют приглашение.

Он достал из кармана вторую фишку и положил её рядом с первой. Одиннадцатый, подумал он. Одиннадцать фишек на столе, у Мартина. Две у него. Итого тринадцать. Но в покере нет несчастливых чисел. Есть только вероятности. И тот, кто

всё это затеял, свои вероятности просчитал заранее.

На ребре обеих фишек не было насечки. Слишком гладкие. Слишком чистые. Он снова подумал об этом и снова не смог ухватить мысль. Оставил на потом.

●

*

V

Утром в участке сержант встретил его в коридоре.

— Эстлунд. Присаживайтесь.

Хенрик спал два часа, и то урывками. В коридоре пахло моющим средством и дешёвым кофе из автомата, а из-за приоткрытой двери доносился равнодушный голос, диктующий кому-то номер протокола. Он вдруг ясно осознал, что сидит по ту сторону стола, где он сидел столько лет напротив других. Ощущение было таким, будто он надел чужую обувь, хорошо знакомую по виду и совершенно не по размеру.

Кабинет был маленький, с серыми стенами и окном во двор. На столе лежала папка. Сержант достал из неё несколько листов и разложил перед Хенриком.

— Предварительное заключение, — сказал он. — Читайте. Потом поговорим.

Хенрик читал. Мартин Фрид, пятьдесят лет. Две тупые травмы левого виска, нанесённые тяжёлым предметом.

Предмет: латунное пресс-папье в форме фишки, найденное на столе. Время смерти от полуночи до двух часов ночи. В крови нашли этозолам, сильный седативный препарат, в дозе, достаточной, чтобы человек потерял способность сопротивляться. Следы борьбы минимальные: ссадины на костяшках. Удары нанесены сзади.

— Убийца стоял за его спиной, — сказал Хенрик.

— Да. Мартин сидел. Он знал убийцу. Они пили вместе.

— Второй стакан унесли.

Сержант поднял глаза.

— Откуда вы знаете?

— Я видел круг на сукне. Влажный. — Хенрик помолчал. — Что ещё?

— Красное шерстяное волокно на спинке стула. Меловая пыль на фишках, на пресс-папье, на стене. — Сержант откинулся. — Фишки не покерные. Эксперт сказал: пластик не тот. Такие делают для тренировочных наборов. Дешёвые.

— Не казино.

— Не казино. Это даже не игорная фишка. Скорее жетон. — Сержант пожал плечами. — Эксперт не уверен. Говорит, что такие жетоны используют где-то ещё, но где, не вспомнил.

Хенрик не пошевелился. Жетон. Мысль, ускользавшая от него ночью, подошла совсем близко, но снова отступила. Он ощутил её, как ощущают в темноте стену: ещё не видя, уже знаешь, что она рядом.

— Камеры?

— На аптеке напротив. — Сержант включил экран на столе. — Смотрите. Двадцать три двенадцать.

Запись шла в чёрно-белом, зернистая, с дрожью. Мокрая улица, фонарь. В кадр вошла фигура в длинном пальто. Лица не видно, потому что зонт опущен низко. Фигура остановилась у двери дома номер четырнадцать, достала что-то из сумки, возможно ключ, и скрылась в подъезде.

— Мужчина или женщина? — спросил Хенрик.

— Не определено. Рост около ста семидесяти. Походка… — Сержант запнулся. — Эксперт говорит, что человек слегка прихрамывает на левую ногу. Или делает вид.

Хенрик пересмотрел запись трижды. Дождь на экране шёл сплошной серой штриховкой, и в его пелене фигура двигалась странно: слишком плавно для человека, который хромает всерьёз. Он отметил это про себя и не стал говорить.

Потом сказал:

— Вы же понимаете, что это не тот человек. Убийца бы так не вошёл. Он бы не прошёл мимо камеры. Он знает, что аптека напротив снимает улицу.

— Возможно, он этого хотел.

— Да. — Хенрик откинулся. — Возможно.

Сержант выключил экран. Помолчал. За окном во дворе кто-то заводил машину, и мотор ни за что не желал схватываться.

— Эстлунд, давайте напрямую. Мартин Фрид был вашим

свидетелем восемь лет назад. Теперь он убит. Записка, найденная у него в кармане, подписана вашей фамилией. Вы приходите на место преступления ночью и врёте мне в лицо. Что я должен думать?

— Что кто-то меня подставляет.

— Или что вы подставили его.

Хенрик посмотрел на него.

— Если бы я хотел убить Мартина Фрида, я бы не оставил свою фамилию на записке.

— Так думает умный человек. — Сержант чуть наклонился вперёд. — А умный человек оставил бы её именно поэтому.

Хенрик не ответил. Против этого аргумента не нашлось ничего. Он понял, что в логике сержанта нет изъяна и что именно поэтому она страшна: любое доказательство невиновности превращается в доказательство хитрости.

Он ждал, что сержант спросит про вторую фишку, про круг на стене, про то, как он вошёл. Но тот молча убрал листы в папку и застегнул её на резинку. Должно быть, у него было больше вопросов, чем он хотел показать.

Из кабинета Хенрик вышел с обязательством держать телефон включённым и являться по первому вызову, и со странным чувством: так , чувствует себя игрок, которого посадили за стол, где все карты уже сданы.

●

*

VI

Вечером он поехал на Васагатан, в подвал церкви, где по средам собиралась его группа.

Он не планировал этого. Просто сел в метро, а вышел там. Ноги сами привели. Весь день он ходил по городу и проверял, нет ли за ним хвоста, хотя понимал, что этим только выдаёт себя. На лестнице подвала он остановился перед сырой кирпичной стеной и перевёл дыхание, как ныряльщик перед глубиной.

В комнате с низким потолком пахло растворимым кофе, стояли складные стулья, висела доска объявлений. Люди сидели кругом, кто-то говорил, кто-то слушал. На подоконнике стояла герань, единственный живой предмет в этой комнате, и Хенрик вдруг подумал, что за семь лет ни разу не видел, чтобы её поливали, и она всё равно жила. Куратор, Карин Сундберг, вела собрание так, как вела всегда: спокойно, без осуждения, одним и тем же ровным голосом.

— Хенрик. — Она заметила его и улыбнулась. Улыбка была тёплой, как всегда. — Рада тебя видеть. Присаживайся.

Он сел в дальний угол. Говорил кто-то из новичков, про долг в двести тысяч, про жену, которая уехала с детьми. Хенрик слушал вполуха. Он смотрел на Карин. Пятьдесят два года, коротко стриженные тёмные волосы с проседью, серое

пальто на спинке стула. Спокойные руки. Руки, которые за семь лет ни разу не дрогнули.

Когда новичок замолчал, она не стала ничего говорить сразу. Она подождала, пока тишина сделает свою работу, и сказала только:

— Спасибо, что пришёл. Один день за раз.

Круг негромко повторил. Хенрик повторил вместе со всеми, и слова ложились на язык как всегда привычно, и он впервые услышал в них что-то чужое, неуловимо чужое, как в лице близкого человека, которого вдруг увидел в окне чужого поезда.

После собрания он подошёл к ней. Она убирала стулья, ставила их один на другой в углу, и он, не спрашивая, стал помогать.

— Мартин Фрид убит, — сказал он.

— Мне жаль. — Карин не изменилась в лице. — Кто это?

— Человек, которого я знал по работе. Давно.

— Мне жаль, — повторила она. Помолчала. — Хенрик, ты побледнел. Ты давно не спал?

— Не помню.

— Тебе нужно отдохнуть. — Она положила ему руку на плечо. Рука была тёплой и лёгкой. — Не лезь в прошлое. Оно не любит тех, кто возвращается.

— Откуда ты знаешь, что я лезу?

Она улыбнулась.

— Потому что я тебя знаю.

Он взял с доски объявлений листок с расписанием и пошёл к выходу. Уже у дверей остановился. На доске, под расписанием, кто-то приколол маленький белый листок. Три слова, выведенных от руки: «Одиннадцатый всегда платит».

Хенрик замер. Потом осторожно, чтобы никто не заметил, снял листок и сложил его вчетверо.

Карин стояла у стола с термосом и разливала кофе. Она не смотрела в его сторону.

Только когда он вышел на лестницу, он осознал то, на что не обратил внимания раньше. На столе рядом с термосом осталась тонкая линия белой пыли. Такой, какая бывает на пальцах у людей, которые работают с мелом.

Он простоял на лестнице несколько секунд, слушая, как наверху звякает ложка о фарфор. Потом пошёл по ступеням вверх, не оглядываясь. Он давно научился не оглядываться: те, кто оглядывается, чаще всего видят то, чего им не хочется видеть. Мел мог быть чем угодно. Мелом пишут на доске в воскресной школе. Мелом, в конце концов, чертят на сукне.

●

*

VII

Он вернулся домой за полночь. Положил листок с доски на кухонный стол. Рядом легли две фишки, записка, полоска

с номером счёта.

Четыре предмета. Они лежали на столе, как хорошо сданные карты, и он знал, что играть придётся любой рукой, которую ему выдали.

Он поставил чайник, забыл про него, и тот долго шумел, а потом щёлкнул и умолк. Хенрик сидел над предметами и не мог отвести от них глаз. Нет ничего тяжелее вещей, которые молчат. Свидетель может соврать, но вещь лжёт только руками того, кто её положил.

Он достал блокнот и записал в столбик:

Убит Мартин Фрид, знал синдикат, хотел говорить со мной.

Записка с моей фамилией у него в кармане.

Мне присланы фишка, записка и номер счёта.

Убийца пил с жертвой, унёс стакан, вымыл пол.

Фигура на записи. Хромота: настоящая или нет?

Кто-то нарисовал круг на стене. Зачем?

Одиннадцатый. Кто это?

Последний вопрос он обвёл. Потом подумал и написал внизу, мелким почерком: «Если я тринадцатый, то кто двенадцатый?»

Он усмехнулся, не весело. Потом перечитал всё ещё раз и вдруг понял, что в списке чего-то не хватает. Не улик. Мотива. Мартин Фрид не был ни богатым, ни влиятельным, ни опасным. Он был мелкой сошкой, но убили его так, будто он был ключевой фигурой. Расчёт по старому долгу. Кому он

задолжал?

И было ещё одно, чего он не записал. Кто-то знал, что Хенрик придёт ночью и что на собрании он будет искать глазами не людей, а следы. Это не укладывалось в строчку блокнота. Для такого не придумано слов.

В половине третьего пришло сообщение с незнакомого номера. Одна строка: «Фишка во втором ящике».

Хенрик замер. Потом очень медленно подошёл к письменному столу и выдвинул второй ящик.

Там лежала маленькая круглая вещь, завёрнутая в бумагу. Он развернул. Белая фишка. Номер «11» на одной стороне. На другой кто-то выцарапал восемь цифр. Те самые, из письма. Номер его закрытого игрового счёта.

Он не помнил, чтобы клал её сюда. Он вообще не помнил, чтобы она у него была.

Хенрик посмотрел на запертую дверь, на окно, на коридор. Всё было так, как он оставил. Дверь на оба замка. Окна закрыты. И всё же кто-то побывал в его квартире и положил в ящик третью фишку.

Он обошёл комнаты, заглянул под кровать, в шкаф, за шторы, даже в духовку, как мальчишка. Нигде ничего. Ни следа взлома, ни чужого запаха, ни сдвинутого предмета. Только в ящике, поверх старых квитанций, чужая белая вещь, лежавшая там так, будто лежала всегда.

Он стоял посреди кухни с фишкой в руке, слушал, как тикают часы, и думал только об одном.

Тот, кто вёл эту игру, знал о нём всё. Знал, где он живёт, знал его номер счёта, знал, что он придёт в клуб, знал, что он поедет на собрание. Тот, кто вёл игру, был рядом уже давно.

Он положил фишку на стол, рядом с остальными. Потом достал из кармана пачку жевательной резинки, подержал в руке и бросил обратно. Это была его старая уловка: когда рука тянется к ставке, хоть чем-нибудь занять пальцы.

— Ладно, — сказал он вслух. — Я сыграю.

Он погасил свет. За окном шёл дождь, Стокгольм был серым, мокрым, равнодушным, и где-то в этом городе человек, который знал его лучше, чем он сам, уже сделал следующий ход.

На столе в темноте белели три фишки. Одиннадцатая лежала посередине.

Конец первой главы.

Глава 2. Группа

Гётеборг

I

Телефон зазвонил в десять минут восьмого, когда Хенрик ещё не успел допить кофе.

Он стоял у окна кухни на Линнегатан и смотрел во двор. Там, в сером колодце между домами, дворник в оранжевой жилетке сгребал мокрые листья в кучу, и куча не росла: ветер разносил её быстрее, чем человек успевал собирать. Кофе остыл и стал горьким. Хенрик вообще редко допивал его до конца. Он давно заметил, что по утрам рука тянется к чашке сама, а пить не хочется, и что это такая же привычка, как проверять карманы перед выходом из дома.

Номер был служебный, с гётеборгским кодом. Он смотрел на экран три звонка подряд, потом ответил, уже зная, что услышит.

— Эстлунд? Говорит инспектор уголовной полиции. Сегодня утром у нас обнаружено тело. Мужчина, сорок три года. — Голос был усталый, без выражения, голос человека, который за ночь выпил слишком много кофе и не поспал ни часа. — В нагрудном кармане у него записка. С вашей фамилией.

Хенрик закрыл глаза. Под веками плыли жёлтые пятна, как после долгого взгляда на лампу.

— Фамилия на машинке выбита?

Пауза. Было слышно, как на том конце кто-то перекладывает бумаги и как далеко, в другой комнате, трещит чужой телефон.

— Откуда вы знаете?

— Потому что у меня в Стокгольме лежит такая же. — Он помолчал. — Как его зовут?

— Петтер Альберг.

Он знал это имя. Восемь лет назад Петтер был коллектором «Крона», человеком с тяжёлыми руками и лёгкой улыбкой, из тех, кто выбивает долги так, что должник потом сам благодарит. Хенрик видел его в допросной дважды. Оба раза Петтер молчал и смотрел на него поверх стола с вежливым любопытством, как смотрят на соседа по купе, с которым не о чем говорить, но и ссориться незачем.

— Мне нельзя выезжать из Стокгольма, — сказал он. — У меня подписка.

— Я говорил с вашим сержантом. Он согласен, что вам стоит приехать. — В голосе впервые прозвучало что-то похожее на живой интерес. — Он сказал, что если вы не приедете сами, он пошлёт за вами конвой.

Хенрик посмотрел на кухонный стол. Три фишки лежали там, где он оставил их ночью, рядом с хлебницей и пустой солонкой. Белые, одинаково тусклые, они казались игрушками из чужого детства. Он сгрёб их в ладонь, завернул в платок, убрал во внутренний карман. Платок был чистый, гла-

женый. Гладить его было некому, он делал это сам по воскресеньям, потому что ровные движения утюга успокаивали лучше любых слов.

— Поезд в восемь четырнадцать, — сказал он. — К полудню буду.

Он повесил трубку и ещё минуту стоял, не двигаясь. Дворник во дворе наконец бросил свою кучу и ушёл под навес. Дождь, который ждали со вчерашнего вечера, пришёл разом, без предупреждения, и забарабанил по жестяному карнизу.

В вагоне он сел у окна, сумку поставил на колени и три часа смотрел, как за стеклом тянутся мокрые поля Сёдерманланд, потом лес, потом озёра, подёрнутые плёнкой тумана. Деревни проскакивали одна за другой: красные дома, белые углы, пустые качели на дворе. Вода на стёклах бежала косыми дорожками, и казалось, что поезд стоит, а двигается всё остальное. Он не ездил этой дорогой три года. С тех пор, как уехал из города, который сначала дал ему погоны, потом отнял их.

Сорок семь тысяч крон. Пакет с надписью «Вещдок № 14». Он помнил его вес, помнил, как расстёгивал молнию в подсобке участка в три часа ночи, стоя перед открытым сейфом. В подсобке пахло сырыми тряпками и оружейным маслом, а с потолка капала вода в жестяное ведро, и каждая капля отдавалась в висках. Он помнил, как говорил себе: до утра верну, до утра отыграю. Он не вернул ни до утра, ни после. Следователь внутренней проверки, сухой человек в

очках, посмотрел на него без осуждения и сказал: «Я вижу это не в первый раз. Увы, вы не исключение».

Хенрик оторвался от окна. Напротив сидела женщина с ребёнком, мальчик возил по столику игрушечную машинку. Тормозил, разворачивался, снова тормозил. Женщина дремала, откинув голову, и держала сына за край куртки, не открывая глаз: рука помнила, что отпускать нельзя. Хенрик смотрел на мальчика дольше, чем следовало, и подумал, что человеческая память устроена как покерный стол: всё, что лежит на нём лицом вверх, видно всем, а всё, что лежит лицом вниз, ты просто боишься открыть.

Мальчик поднял глаза и серьёзно, без улыбки, протянул ему машинку на ладони, как пропуск. Хенрик кивнул и вернул её обратно. Тогда он вдруг понял, что в вагоне ни разу за дорогу не подумал о картах. Ни разу. И это встревожило его сильнее, чем если бы думал.

●

*

II

Тело нашли на рассвете. Дежурный лодочник, выходивший на канал проверить причал, заметил у стенки что-то тёмное, не похожее на мусор. Он зацепил его багром и сразу понял, что вытащил.

Хенрик приехал к Стура-Хамнканалену к полудню. Вокзальная площадь осталась за спиной: трамваи, мокрые зонты, запах жареных каштанов от тележки у входа. Город встретил его так, как встречают человека, которого помнят и не рады видеть, то есть без единого лишнего слова. Он шёл по набережной и узнавал каждый поворот, каждую чугунную тумбу, каждую вывеску, а вывески уже были другие.

Серая вода стояла у каменных стенок неподвижно, с радужной плёнкой бензина у парапета. Над каналом висел низкий туман, и чайки, сидевшие на швартовых тумбах, не кричали, только поворачивали головы. На набережной работали криминалисты, тут же стоял белый тент, в котором под плёнкой лежало тело. Люди в синих комбинезонах двигались медленно, как в аквариуме, и разговаривали вполголоса. Инспектор, невысокий мужчина с серым лицом и седыми висками, ждал его у ограждения. Он стоял, сунув руки в карманы плаща, и кончики его ботинок были почти чёрными от воды.

— Эстлунд, — сказал он вместо приветствия. — Прежде чем вы что-то скажете, имейте в виду: я записываю разговор.

— Я бы на вашем месте тоже.

Они прошли под лентой. Инспектор откинул край плёнки.

Петтер Альберг лежал на спине. Волосы прилипли ко лбу, кожа была серой, с синюшным оттенком. Куртка и джинсы мокрые. Пальцы скрючены, ногти сломаны. На запястьях багровели чёткие полосы. Хенрик поймал себя на том, что

ищет глазами ту самую лёгкую улыбку, и не нашёл её. Смерть сняла с лица всё лишнее, и осталось только лицо немолодого уставшего человека, которого он никогда по-настоящему не знал.

— Плетёный шнур, толщина около шести миллиметров, — сказал инспектор. — Связали его спереди, за руки. Шнур потом сняли. Ссадины на локтях и коленях: он полз или его волокли по твердому покрытию . Метров двадцать. Предварительно, утонул. В легких вода. Он дышал, когда упал в воду.

— Живой?

— Живой, но обессиленный. — Инспектор посмотрел на него. — В крови этозолам. Доза, после которой человек не может ни кричать, ни сопротивляться. Он понимал, что происходит. Не мог пошевелиться.

Хенрик смотрел на лицо. Рот приоткрыт, зубы стиснуты. Он увидел в нём то, что видел много раз на работе, и о чём предпочитал забывать: последний осознанный страх, замерший, как отпечаток. Когда-то он думал, что привыкнет. Первые годы службы он носил с собой маленькую книжку, куда записывал имена тех, кого видел мёртвыми, будто это могло что-то вернуть им. Потом книжка закончилась, а новую он не завёл. Теперь он почти сорок секунд молча смотрел на покойника, и никто не торопил его: инспектор тоже умел ждать.

— Где нашли следы?

— Вон там. — Инспектор показал на асфальт у решётки ливневой канализации. — Протекторы. Свежие, чёткие. Машина стояла минимум двадцать минут. Видите пятно? Машинное масло. Тот, кто его привёз, ехал на старом автомобиле с подтекающим картером.

Хенрик подошёл. Пятно на асфальте было маленьким, чёрным, с радужными краями. Рядом на камне парапета темнело второе. Он присел на корточки, и принюхался. Масло было свежим, густым, не дизельным. Смазка. Дождь за ночь не успел смыть её до конца: она лежала в трещинах асфальта, как чернила в морщинах ладони.

— Свидетели? — спросил он.

— Ночной сторож с яхтенной стоянки слышал мотор. Говорит, грузовик, старый, тарахтел как консервная банка. Номеров не видел. — Инспектор пожал плечами. — Он смотрел футбол.

— А камеры?

— На набережной две. Одна неделю как разбита, вторая смотрит на бетонную стену. — Инспектор усмехнулся без веселья. — Тот, кто это делал, знал город лучше нас с вами.

— Что в карманах?

Инспектор протянул ему пластиковый пакет. В пакете лежали одиннадцать фишек. Десять белых, одна красная. Хенрик взял пакет двумя пальцами, посмотрел на просвет, потом перевернул одну фишку. Ребро было гладким. Без насечки. Красная блестела чуть иначе, чем остальные, как буд-

то её не отлили такой, а покрасили, лаком, небрежно, оставив на краю тонкий подтёк.

— Это не для казино, — сказал он.

— Нам уже сказал эксперт. — Инспектор посмотрел на него внимательно. — Что вы знаете?

— Ничего. Пока.

Он вернул пакет. Инспектор достал из кармана второй, поменьше. В нём лежал листок, сложенный вдвое. Машинопись, продавленные буквы, тот же шрифт. Буква «о» там была чуть выбита сверху, как у старых машинок, которым давно пора в музей.

«Расчёт по старому долгу. Одиннадцатый платит. Эстлунд».

— Вторая записка, — сказал инспектор. — С вашей фамилией. Вы понимаете, как это выглядит?

— Как попытка меня подставить.

— Или как попытка вас вызвать. — Инспектор убрал пакет. — Вы сказали сержанту в Стокгольме, что вас подставляют. Я не знаю, правда это или нет. Но если вы будете делать то, что делали вчера ночью, я упеку вас на сорок восемь часов для выяснения. Понятно?

— Понятно.

— Я не сержант. Я никого не жалею. — Инспектор достал блокнот. Страницы были мокрые по краям, и он листал их осторожно, как хрупкие. — Что вы знаете о Петтере Альберге?

— Был коллектором «Крона». Восемь лет назад. Тяжёлая рука. Один раз судим, условно.

— Где он жил?

— Не знаю.

— В Майорна. Снимал комнату. — Инспектор перелистнул страницу. — Последние два года посещал группу анонимных игроков. Куратор, некая Карин Сундберг, подтверждает: он не пропустил ни одного собрания. Хотел завязать. В последний раз видели его в среду, в двадцать два десять, в баре на Авеню. С кем он был, неизвестно.

Хенрик замер.

— Карин Сундберг?

— Вы её знаете?

— Она мой куратор.

Инспектор приподнял бровь, но ничего не сказал. Вместо этого он закрыл блокнот и посмотрел на воду. Где-то за спиной скрипнул кран, прошла баржа с песком, и от её хода по неподвижной глади расползлись медленные круги, дотянулись до стенки и дрогнули там, как нерв.

— Любопытное совпадение, — сказал он.

— Я в них давно не верю.

— И я. — Инспектор потёр переносицу. — Поэтому и позвонил вам, а не прислал повестку. Повестка идёт три дня. Вы приехали за четыре часа. По-моему, это уже кое-что говорит о вас. Только я пока не решил, что именно.

Они постояли молча. Тело понесли к машине, и носилки

качались в такт шагам санитаров, а пластиковая плёнка шелестела, как листва. Хенрик почему-то вспомнил, что в детстве отец водил его сюда смотреть на корабли. Отец говорил, что порт делает из людей молчунов: слишком много воды, слишком мало слов.

●

*

III

Церковь в районе Хага была старой, из серого камня, с узкими окнами и скрипучими дверями. Он дошёл до неё пешком, через полгорода, под дождём. По дороге он зашёл в булочную, купил булку с кардамоном и съел её на ходу, не чувствуя вкуса. Это тоже было привычкой: если не знаешь, что делать с руками, дай им еду.

В подвале, как везде, пахло растворимым кофе. Но кабинет Карин находился не в подвале, а на втором этаже, в маленькой комнате с высоким потолком. Здесь стоял письменный стол, два кресла, чайник и полка с книгами. На подоконнике росла герань, красная, мясистая, поникшим еще вчера цветком, который никто не удосужился оборвать. На стене висела выцветшая репродукция с видом озера, и Хенрик, сколько ходил сюда, ни разу не видел, чтобы Карин на неё смотрела.

Хенрик пришёл в четыре. Карин ждала его, уже зная, зачем. Она сидела в кресле у стола в сером пальто, которое не успела снять, или не хотела: так сидят люди, готовые встать в любую минуту.

— Присаживайся. — Она налила чай в две чашки. — Мне позвонили утром. Я до сих пор не верю.

— Петтера убили в ночь со среды на четверг.

— Да. — Она помолчала. Пальцы, державшие чашку, не дрогнули. Руки у неё всегда были спокойные, и он как-то раз сказал ей об этом. Она ответила, что спокойные руки нарабатываются годами и стоят дорого. — Он был в группе два года. Я думала, что у него получится.

— Что он тебе говорил?

— Что хочет бросить. Что есть люди, которых он боится. — Карин подняла глаза. — Он не называл имён. Я сказала ему то, что говорю всем: приходи, когда будешь готов. Расскажи, когда сможешь.

— Он приходил в понедельник?

— На группу? Да. Нас было восемь. Он сидел рядом с окном. Говорил очень мало.

Хенрик отхлебнул чай. Он был горьким, с привкусом мяты. За окном проехал трамвай, стёкла дрогнули. Мята в чае всегда была её фирменной деталью. Мятный чай, герань, «Один день за раз»: из этих вещей, как из кирпичей, она выложила для сотни людей что-то вроде дома. Он сам прожил в нём долго.

— Карин. Я хочу спросить одну вещь, и мне не нужна жалость. Ты знала Мартина Фрида?

— Мартина Фрида?

— Его убили в Стокгольме в ночь с понедельника на вторник. Вчера я был на собрании, ты видела меня. Я сказал тебе.

— Сказал. — Она отставила чашку. — И я спросила, кто это.

— Ты знала его.

Она посмотрела на него долгим спокойным взглядом.

— Хенрик. Я веду группы двадцать лет. Через меня прошло, наверное, шестьсот человек. Фамилия Фрид мне знакома, но я не могу вспомнить, был ли он у меня.

Это было правдой, или звучало как правда. У Карин всегда звучало как правда. Он вспомнил, как семь лет назад, оказавшись на дне, сидя на кухне у неё в Гётеборге, спросил: «Почему ты мне помогаешь?» Она ответила: «Потому что я вижу в тебе человека, а не игрока». Тогда он поверил. Он сидел тогда на табурете у плиты, с трясущимися руками, а она резала лук и не смотрела на него, чтобы он не стыдился. И до сегодняшнего дня он верил.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда расскажи, откуда ты знаешь жаргон.

— Какой жаргон?

— Ты говоришь «банк», «ставка на зеро», «живая карта». Ты знаешь, что такое «горячий стол». Ты ни разу не рассказывала, откуда.

Она не ответила сразу. Взяла термос, вернула на место. Потом улыбнулась, не губами, а самими глазами. Это была её фирменная улыбка: тёплая, но с чем-то внутри, чего ему никогда не удавалось разглядеть.

— Я была крупье, — сказала она. — Давно, в молодости. В Мальмё. Это не секрет.

— Ты никогда не говорила.

— Ты никогда не спрашивал.

Она подошла к окну, поправила герань. Оторвала вялый цветок и зажала его в кулаке. Хенрик смотрел на её спину: прямую, чуть напряжённую. Внизу во дворе кто-то подметал плиты. Звук метлы по камню был ровный и бесконечный, как дыхание.

— Хенрик, я хочу, чтобы ты послушал, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты приехал сюда, потому что кто-то подписал записку твоей фамилией. Я понимаю, как тебе страшно. Но ты не должен лезть в это самостоятельно. Это не твоё дело. Ты не полицейский.

— Я это уже слышал сегодня дважды.

— Тогда, может быть, стоит послушать. — Она повернулась. — Ты семь лет не ставил. Это самое трудное, что может сделать человек твоего склада. Ты не должен разрушить это ради чужой смерти.

— Эта смерть уже не чужая.

— Тогда пусть полиция разбирается. — Голос стал мягче, почти нежным. — Я прошу тебя, не лезь в прошлое. Оно не

любит тех, кто возвращается.

Он смотрел на неё и вдруг понял, что слышал эти слова. Вчера вечером. В Стокгольме. Дословно, до последней интонации. Ничто не изменилось, кроме города. Даже пауза перед словом «оно» была той же длины. Так говорят не люди, а заученные тексты, и он, бывший полицейский, знал разницу.

— Ты мне это уже говорила, — сказал он.

— Разве? — Она слегка наклонила голову. — Значит, я повторяюсь. Старею.

Он допил чай и встал. Чашка стукнула о блюдце слишком громко. Уже у двери остановился.

— Ты сегодня ночью была в Гётеборге?

— Я живу здесь. — Она не удивилась вопросу. — Вчера вечером провела группу в Стокгольме и ночным вернулась домой. Приехала около трёх. Если ты спрашиваешь об алиби, я отвечу: проводник узнает меня в лицо.

— Я не спрашиваю об алиби.

— Нет. — Она улыбнулась. — Ты просто проверяешь.

Он вышел на лестницу и остановился. Лестница была каменная, холодная, с вытертыми серединами ступеней, и каждый шаг по ней отдавался вниз, в пустоту подвала. За дверью он услышал лёгкое, едва различимое движение. Карин что-то поставила на стол и чем-то хлопнула. Звук был коротким, как удар костяшками по дереву.

Он простоял там почти минуту. Потом спустился, толкнул скрипучую входную дверь и вышел под дождь. На ступенях

церкви сидел мокрый воробей. Он не улетел.

●

*

IV

Комната Петтера в Майорне оказалась на втором этаже серого трёхэтажного дома, где пахло кошками и жареной рыбой. Подъезд был узкий, с кафельным полом в шашечку, на котором кто-то давным-давно оставил отпечаток подошвы, и его так и не оттёрли. На перилах висела связка чужих ключей на верёвочке: кто-то забыл или оставил для соседа. Хозяйка, тощая старуха с красными веками, впустила его без вопросов, как только он сказал слово «полиция». Хенрик не уточнил, какая именно. Он вообще удивлялся, как легко это слово открывает двери. Когда-то оно открывало их и для него, а потом перестало, и он едва не забыл, каково это.

— Он был хорошим жильцом, — повторяла она, отпирая дверь. — Платил вовремя. Не шумел. Иногда приводил женщину.

— Какую?

— Не знаю. Приходила днём. В тёмном пальто. Спиной всегда к двери. — Старуха пожала плечами. — Сегодня тоже кто-то заходил.

Хенрик обернулся.

— Когда?

— Утром. В девять. Я как раз вернулась из магазина. Дверь была приоткрыта. Я заглянула, никого. Решила, что это полицейские.

— Вы кого-нибудь видели на лестнице?

— Только кошку. — Она сердито посмотрела на него, будто он обвинял её лично. — У меня глаза уже не те, молодой человек. Я вижу тени. Тень была с сумкой. Или с зонтиком. Спросите лучше у Юханссонов снизу, они весь день сидят у окна.

Спрашивать было некого: Юханссоны, как выяснилось, уехали к дочери в Бурос ещё в понедельник. Старуха сообщила это с обидой, как если бы они сбежали от неё нарочно.

Комната была маленькой: узкая кровать, стол, шкаф, окно во двор. Во дворе рос единственный клён, и его мокрые красные листья липли к стеклу. Всё лежало на местах, но с той небрежной аккуратностью, какая бывает после обыска, который проводили люди, привыкшие к обыскам. Ящики стола закрыты, но не до конца. Одежда в шкафу висит на вешалках, но не в том порядке, в каком вешает хозяин. Хенрик слишком хорошо знал это чувство: когда вещи будто стараются выглядеть нетронутыми и этим выдают себя.

Он осмотрел стол. Бумаги, счета, квитанции из ломбарда. Старый телефон без зарядки. На подоконнике стояла кружка с недопитым холодным чаем, и по краю у неё уже пошла плёнка. В кармане висевшей на спинке стула куртки нашлась

початая пачка мятных конфет. Фото в рамке: Петтер с девочкой лет шести, оба смеются. Хенрик долго смотрел на них. Он понятия не имел, что у Петтера была дочь. Лёгкая улыбка, которую он помнил по допросной, на фотографии была совсем другой, открытой и глупой, как у человека, который не знает, что у него всё отнимут. Он перевернул рамку. Задняя стенка отходила. Он поддел её ногтем.

Под стенкой лежал сложенный вчетверо лист в клетку. Почерк неровный, торопливый, ручка нажимала так, что бумага выпучивалась на обороте.

«Хенрик. Если ты это читаешь, значит, я не успел. Это не я убил Мартина. Он был у меня в воскресенье, звал с собой, сказал, что знает, кто считает карты. Я отказался. Спроси у того, кто сдаёт. Они все ходили к ней. Она знает, кто что проиграл. И сколько. П.»

Он прочитал дважды. Потом сел на край кровати, потому что ноги вдруг стали ватными. Пружины под ним прогнулись и жалобно заскрипели. Он слышал, как на кухне у хозяйки гудит холодильник, как капает кран, как по двору шаркает чья-то метла. Мир продолжал жить своей маленькой жизнью. Петтер написал это, зная, что его убьют, или только догадываясь, и спрятал письмо так, как прячут игрок и ребёнок: туда, куда нормальный человек не полезет.

«Они все ходили к ней». К кому? Слово «она» стояло без пояснений, женский род, и это могло означать что угодно: и женщину-коллектора, и бухгалтершу, и содержательницу

притона. И куратора.

Он аккуратно сложил лист, спрятал во внутренний карман. Рядом с тремя фишками. Они тихо звякнули, как мелочь.

На оборотной стороне рамки он заметил что-то ещё. Мелко, карандашом, столбик дат, и против каждой стояла сумма. Даты шли через неделю, и все приходились на понедельники, когда собиралась группа. Суммы были разные: четыреста, девятьсот, тысяча двести. Хенрик перебрал их в уме, пытаясь понять, что это. Взносы? Проценты? Долги? Он вспомнил, что в «Кроне» тоже все долги записывали карандашом: карандаш можно стереть, когда долг уплачен, и на бумаге не остаётся следа. Но здесь никто ничего не стирал.

— Вы это тоже собирались унести? — спросил голос от двери.

В дверях стоял инспектор. Он держал руки в карманах и смотрел на Хенрика без выражения. С плаща у него капало, на пол натекла небольшая лужица, и он смотрел на неё так же внимательно, как на Хенрика.

— Я предполагал, что вы придёте, — сказал Хенрик.

— Потому что я идиот, — ответил инспектор. — Или потому что я такой же, как вы. — Он шагнул в комнату. — Что нашли?

— Записку. Петтер писал мне.

— Покажите.

Хенрик протянул лист. Инспектор прочитал, поднял гла-

за. Он читал долго, раза три, и шевелил губами. Потом достал из кармана очки в тонкой оправе, надел и прочитал в четвёртый раз.

— «Спроси у того, кто сдаёт». — Он пожевал губами. — Крупье.

— Или дилер. Или банкир. Или любой из десятка людей, которые держат стол.

— Или куратор, — сказал инспектор тихо.

Хенрик не ответил. За окном сорвался с ветки лист и упал на подоконник, прилип. Старуха из кухни крикнула, не хотят ли они чаю, и инспектор ответил «нет, спасибо» так вежливо и привычно, что стало ясно: в других обстоятельствах он был бы добрым человеком.

— Вы понимаете, что я обязан допросить вашу Карин Сундберг? — Инспектор убрал листок в пакет. — Это не обвинение. Но я не могу пройти мимо.

— Допросите. — Хенрик встал. — Но не торопитесь.

— Почему?

— Потому что тот, кто всё это затеял, хочет, чтобы вы поторопились.

Инспектор помолчал, потом сказал:

— У вас нюх.

— Нет. — Хенрик взял куртку. — У меня опыт. Я пятнадцать лет работал с людьми, которые подсовывают тебе чужую карту.

Они вышли вместе. На лестнице инспектор вдруг остано-

вился и сказал, не глядя на него:

— Вы не обязаны мне верить. Но если с вами что-то случится, я не смогу объяснить начальству, почему отпустил вас. Поэтому делайте так, чтобы ничего не случилось.

— Постараюсь.

— Стараться недостаточно. — Инспектор поднял воротник. — Звоните мне. В любое время. Я всё равно не сплю.

●

*

V

Вечером он сидел в номере гостиницы на Дроттнингатан, у окна, глядя на мокрую мостовую, на редких прохожих, на витрину с вывеской «Кофе и книги». Номер был тесный, с низким потолком и обоями в мелкий цветочек, выцветшими до цвета старой слоновой кости. На тумбочке стоял стакан в бумажной обёртке, на которой было напечатано, что он стерилизован. Это почему-то казалось ему самой печальной деталью. Телефон лежал рядом на подоконнике, экраном вниз.

Он повторил про себя всё, что знал. Он делал так с первых дней в отделе: садился в тишине и раскладывал факты, как карты, рубашкой вверх, переворачивая по одной. Это помогало не думать о чувствах. Чувствам он научился не верить раньше, чем научился бросать курить.

Мартин Фрид. Убит в Стокгольме в ночь с понедельника на вторник. Тупая травма виска, этозолам, второй стакан унесён, пол вымыт.

Петтер Альберг. Убит в Гётеборге в ночь со среды на четверг. Связан, накачан этозоламом, брошен живым в воду.

Оба получили одиннадцать фишек. Оба так или иначе были связаны с Карин: один два года сидел у неё в группе, а другой, если верить записке Петтера, ходил к людям, которые к ней ходили. Оба подписаны одной и той же напечатанной на машинке фамилией: его, Хенрика.

Он положил ладонь на лоб. Мысль была простой, очевидной, и именно поэтому он не хотел её додумывать. Всё это сходится на нём, потому что убийца хочет, чтобы всё сходилось на нём. Но и на Карин всё тоже сходится. Только Карин ничего не хочет. Карин всегда спокойна. Он подумал, что за семь лет ни разу не видел её в ярости, ни разу не слышал, чтобы она повысила голос. Тогда он считал это мудростью. Теперь он не был уверен, что это не просто выучка.

Внизу, на улице, остановилась машина. Хлопнула дверца, кто-то засмеялся, женский голос что-то быстро сказал по-фински или по-эстонски, и всё затихло. Хенрик подумал, что в чужих городах слышно, как живут другие: через стену, через потолок, через шум дождя. Это был его главный навык после увольнения: слушать чужую жизнь и не вмешиваться.

Телефон зажужжал. Он перевернул его. Номер скрыт.

— Ты ездил к ней, — сказал женский голос.

Голос был тот же, что вчера: ровный, медленный. Но теперь в нём появилась тень, лёгкая насмешка, как у человека, который смотрит, как ребёнок решает задачу, ответ которой ему давно известен. Хенрик встал, подошёл к двери и проверил цепочку, хотя понимал, что это глупо: звонили не с лестницы.

— К кому?

— Ты знаешь.

— Я не знаю, о ком вы.

— Знаешь, Хенрик. Ты просто боишься назвать. — Пауза. На заднем плане было совсем тихо, ни машин, ни дождя, ни дыхания. Тишина была такая плотная, что казалась комнатой. — Одиннадцать у Мартина. Одиннадцать у Петтера. Скоро их будет столько, что ты не сможешь их удержать.

— Я не играю.

— Ты уже играешь.

— Кто вы?

— Я сдаю. — Короткий смешок. — Спокойной ночи.

Связь оборвалась. Он набрал обратный номер, но услышал только длинные гудки: не отвечает, не существует. Он швырнул телефон на кровать, подошёл к раковине и умылся холодной водой. Вода была ржавая и отдавала железом. Он стоял, опираясь о края раковины, и считал вдохи, как учила Карин: на четыре вдох, на четыре выдох. Дошёл до сорока и сбился.

Хотелось пить. Хотелось выпить. Хотелось сесть за стол

с зелёным сукном, взять в руки колоду и ощутить, как мир сужается до одного числа. Это желание не приходило со словами: оно приходило телом, сухостью во рту, зудом в подушечках пальцев, тем особенным покалыванием, которое он когда-то принимал за предчувствие удачи. Он смотрел на своё лицо в зеркале, мокрое, бледное, с красными глазами, и вдруг подумал, что тот, кто ведёт эту игру, знает про него самое главное: он не выдержит.

Он вытер лицо, достал из кармана записку Петтера и перечитал в сотый раз. «Они все ходили к ней. Она знает, кто что проиграл. И сколько».

В ушах звучал голос Карин: «Не лезь в прошлое. Оно не любит тех, кто возвращается».

Он спустился в холл и попросил у ночного портье стакан воды. Тот, молодой парень с наушником в одном ухе, посмотрел на него с лёгкой жалостью, налил из графина и вернулся к своему экрану. На экране шёл футбольный матч без звука. Хенрик выпил воду, стоя у стойки под слабой лампой, и подумал, что, наверное, выглядит как человек, которого сегодня никто не ждёт. Это было правдой.

Он лёг на кровать не раздеваясь. За окном шёл дождь. Город жил своей жизнью, мокрой, холодной, равнодушной. Утром, подумал он, поеду к инспектору и расскажу всё. Он должен рассказать всё.

И тогда, на самом краю сна, он вдруг вспомнил, как называл Петтер свои долги: не «долги», а «жетоны». Он говорил:

«Я должен жетонов на двести тысяч». Тогда Хенрик решил, что это жаргон.

Он открыл глаза. Потолок в полутьме казался далёким, как небо.

Жетоны.

Но мысль снова ускользнула, как ускользала вчера и позавчера. Он заснул, не успев её поймать.

Конец второй главы.

Глава 3. Контейнер

Мальмё

I

В пятницу в шесть сорок утра Хенрика разбудил звонок с незнакомого номера.

Он спал плохо, урывками, и звонок вытащил его из сна так грубо, что в первую секунду он не понял, где находится. Потолок гостиничного номера в Гётеборге был низким и жёлтым от старых протечек. Телефон полз по тумбочке, вибрируя, как раненое насекомое. Хенрик нащупал его и поднёс к уху, ещё не открыв глаза до конца.

— Эстлунд.

— Я знаю, что это ты, — сказал хриплый мужской голос. — Не клади трубку.

Он не слышал этого голоса восемь лет, но узнал его с первого слова, как узнают походку человека, с которым когда-то делили машину и холодный кофе в трёх часах ночи.

— Лейф.

— Рад, что ты не забыл. — Пауза. В трубке зашуршала бумага. — Ты в Гётеборге?

— Откуда ты знаешь?

— Я позвонил твоему сержанту в Стокгольм, он дал мне телефон инспектора, а инспектор дал номер твоей гостиницы. Я тридцать лет в полиции, Хенрик, мне не нужно искать

людей. Они сами оставляют следы.

Хенрик сел на кровать. За окном серело. Дождь кончился, и на подоконнике в тусклом свете блестели капли. Внизу, на трамвайных путях, уже гремел первый вагон, и этот привычный городской грохот казался сейчас чем-то почти уютным, последним мирным звуком перед тем, что должно было последовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.